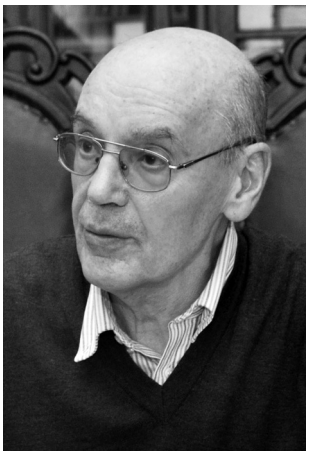
IN MEMORIAM

ВЛАДИМИР МАРКОВИЧ МАРКОВИЧ (1936–2016)



25 июня 2016 г. не стало Владимира Марковича Марковича — доктора филологических наук, профессора кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета, яркого ученого и блестящего лектора. Гуманитарная наука понесла невосполнимую утрату.

В. М. Маркович родился 28 ноября 1936 г. в Алма-Ате в семье вузовских преподавателей. Закончив в 1959 г. историко-филологический факультет, а затем аспирантуру Казахского педагогического института, он с 1962 по 1971 г. преподавал в том же институте на кафедре русской и зарубежной литературы. Существенное влияние на становление молодого ученого оказали труды формалистов и М. М. Бахтина. Кандидатскую диссертацию «Два типа классического русского романа в первой половине XIX в.» Маркович защитил в 1966 г., и это событие было поистине неординарным: прочитав работу, профессора Г. А. Бялый и Г. П. Макогоненко предложили провести защиту в Ленинградском университете. В 1971 г. по приглашению Г. П. Макогоненко Маркович приехал в Ленинград и с 1972 г. начал работать на кафедре истории русской литературы университета (тогда ЛГУ) в должности доцента, а с 1984 г., после защиты докторской диссертации «Тургеневский тип русского романа» (1982), — профессора. Так научная биография Владимира Марковича оказалась связана с Петербургом, а его имя и труды вошли в историю петербургской филологической школы.

Уже в первых своих работах, посвященных поэтике пушкинского романа («Из наблюдений над композицией “Евгения Онегина”» и «Юмор и сатира в “Евгении Онегине”»), Маркович демонстрирует свободу от всевозможных клише и стереотипов, схем и шаблонов в интерпретации художественного текста, и именно эта особенность становится определяющей для его научного стиля. Интеллектуальная свобода, способность преодолевать инерцию читательского и научного восприятия позволили Владимиру Марковичу по-новому прочесть многие классические тексты русской литературы.

Отличающий Марковича филолога динамизм выражался в постоянном расширении круга исследовательских тем и имен: Пушкин, Лермонтов, Тургенев, а потом Гоголь, Герцен и Гончаров, Грибоедов, Толстой и Чехов, Пастернак и поэзия ленинградского андеграунда, русская критика (статья о Шевыреве) и филология (статьи о Веселовском, Гуковском, Макогоненко, Вацуро)… Для каждой новой проблемы был найден свой уникальный подход, не сводимый к готовому методу с соответствующим ему понятийным аппаратом. Поэтому историко-литературные труды Марковича, его книги — «Человек в романах Тургенева» (1975), «И. С. Тур-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

генев и русский реалистический роман XIX века (30-е — 50-е годы)» (1982), «Петербургские повести Гоголя» (1989), «Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы» (1997), «Мифы и биографии: Из истории критики и литературоведения в России» (2007), «Избранные работы» (2008) — свободны от терминологической перегруженности и отмечены узнаваемым индивидуальным стилем ученого, превращающим научный сюжет интеллектуального открытия в эстетическое событие.

Проявлением глубокой внутренней свободы профессора Марковича было его внимательное и заинтересованное отношение к содержанию того гуманитарного контекста, в котором разворачивалось его собственное научное творчество. Среди работ отечественных филологов-современников наиболее близки ему были труды Ю. В. Манна, Б. А. Успенского, Ю. М. Лотмана. С неменьшим интересом он изучал классические сочинения и современные течения зарубежной гуманитаристики. Несомненно, философско-теоретические основания научной деятельности Марковича связаны и с герменевтикой, и с рецептивной эстетикой, и с деконструкцией — при этом ни одна из его работ не сводима к какой-то единственной методологической стратегии, единственному направлению. Формулируя наиболее ценную для себя профессиональную установку, Владимир Маркович писал: «Рядом с распространенным в нашем столетии типом литературоведа — проводника определенного "учения" (метода, школы, направления и т. п.) был и остается необходимым другой тип исследователя — человек, проходящий ту или иную школу, но сохраняющий самостоятельность по отношению к ней (да и к любой другой), а потому и способный выполнить жизненно важную для науки функцию накопления и объединения того, что должно быть сохранено и расширено ради дальнейшего ее развития».

Владимир Маркович в полной мере обладал талантом слушателя. В докладах студентов, в выступлениях коллег он умел распознать и блестяще сформулировать главное — смысловую перспективу. Это проявлялось и в его работе, связанной со школьным образованием: многие годы Маркович руководил научно-практическим семинаром для учителей, проводил Всероссийские и Международные олимпиады по литературе для школьников. Интерес к детской аудитории у него был не меньшим, чем к научному профессиональному сообществу, — возможно, потому, что поиск смысла никогда не был связан для него с институциями и статусами.

С начала 1970-х годов общий лекционный курс В. М. Марковича по русской литературе первой половины XIX в., а также его специальные курсы, посвященные различным проблемам истории и теории литературы, стали неотъемлемой частью научной и культурной жизни Петербурга. Слушателями этих лекций были не только студенты и выпускники филфака, не только учащиеся других вузов, но и люди, не имеющие профессионального отношения к филологии. Лекторское искусство Владимира Марковича отличало сочетание завораживающей красоты и совершенства концепции с научной честностью и интеллектуальной глубиной. Но, может быть, самой существенной чертой его лекционных курсов был тот гуманитарный ресурс, которым обладало его научное слово: оно воспринималось слушателями как слово, открывающее им правду о самих себе. И в этом своем качестве лекции Марковича сближаются с самим их предметом — литературой.

Долгие годы Владимир Маркович руководил работой студенческого научного семинара «Классика и авангард». Здесь писали работы о Лермонтове и о Добычине, о Чехове и о русской утопии, о Битове и о символистах. И здесь сполна проявился педагогический метод профессора Марковича — «учить, не уча» (по собственному его слову). Конечно, как и все научные руководители, он исправлял ошибки и погрешности в студенческих сочинениях, но, главное, он помогал проявиться мысли, увидеть ее потенциал, прежде всего — самому ее автору. И никогда не навязывал ученику свои собственные идеи. Напротив, с удивительной интеллектуальной щедростью он помогал молодым коллегам открывать самостоятельную дорогу поиска смысла, авторитетом собственного имени обеспечивая этому поиску свободу.

На протяжении последних двадцати пяти лет Маркович был научным руководителем уникальных конференций, собиравших в Пушкинских Горах ученых со всего мира. Он соединял в общем пространстве классиков и авангардистов, представителей традиционной ака-

демической науки и заинтересованных в междисциплинарных исследованиях гуманитариев. Свою задачу Владимир Маркович видел в том, чтобы самые разные научные направления, искания, устремления не замыкались в границах узких сообществ, а вступали бы в диалог друг с другом, преодолевая разделяющие их границы. Он приветствовал разномыслие, которое становилось залогом освободительной новизны. «Разнородное единство» — вот его любимая формула; к осуществлению этой идеи он стремился, беря на себя роль организатора науки. Осознавая и утопичность поставленной задачи, и собственный идеализм, о чем он сам неоднократно говорил, Владимир Маркович тем не менее был убежден в необходимости двигаться в обозначенном направлении, которое единственное отвечало его всегдашней потребности — потребности в свободе.

Сотрудники кафедры истории русской литературы СПбГУ